

КОД АДАПТАЦИИ Станислав Сергеев

Станислав Сергеев

Код адаптации

«Автор»

2026

Сергеев С. Е.

Код адаптации / С. Е. Сергеев — «Автор», 2026

«Код адаптации» Станислава Сергеева, рассказывает о пост апокалиптическом мире, разрушенном вирусом, и о том, как человечество, спасаясь с помощью генной инженерии и радикальных биотехнологий вступив в новую эру. Мир, опустошенный смертоносным вирусом, разделился на несколько фракций, каждая из которых выжила благодаря радикальным генным модификациям, но при этом потеряла часть своей человечности и свободы.

© Сергеев С. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Станислав Сергеев

Код адаптации

Глава 1

Примерно сорок лет назад мир, каким мы его знали, рухнул. Не с грохотом ядерной войны или вторжения инопланетян, а с тихим, подкрадывающимся шёпотом, который проник в каждую клетку, в каждую душу. Это был вирус. Невидимый, неуловимый, безжалостный. Он не давал человеку ни единого шанса.

Он проникал в организм, и первые шесть – десять месяцев человек жил обычной жизнью, не подозревая о бомбе замедленного действия, тикающей внутри. А потом внезапно начинал действовать. Менее чем за три дня человек угасал, превращаясь в тень самого себя, а затем исчезал навсегда. Обнаружить вирус было невозможно. Определить нулевого пациента – тем более. Он был везде и нигде одновременно.

Мир был напуган. Это был не просто страх – первобытный ужас, пронизывающий до костей. За первый год умерла половина человеческого рода. Половина! Улицы опустели, города превратились в призрачные лабиринты. Смерть продолжала преследовать каждого, не оставляя ни малейшего шанса на выживание.

Врачи, те, кто должен был спасать, попали под удар одними из первых. Они были на передовой, пытались понять, что происходит, найти лекарство, хоть что-то. Но вирус был быстрее и коварнее. Они уходили один за другим, их ряды редели с ужасающей скоростью. К концу первого года их почти не осталось. Живых можно было пересчитать по пальцам, и они были лишь тенью своих прежних «я» – измученные, отчаявшиеся, бессильные. На помощь врачей уже нельзя было рассчитывать. Их просто не стало.

Второй год принёс ещё больше отчаяния. Смертность продолжала расти – неумолимо, безжалостно. Вскоре стало известно нечто ещё более ужасающее: вирус мог существовать в умершем человеке более ста пятидесяти часов. Шесть дней. Шесть дней, в течение которых даже мёртвые могли быть источником заразы. И передавался он контактно-бытовым путём. Прикосновение к дверной ручке, к поручню в автобусе, к руке соседа – всё это могло стать смертным приговором.

Большие города, некогда центры жизни и цивилизации, превратились в ловушки. Их делили на районы, пытались исключить пересечение границ, создать хоть какие-то островки безопасности. Люди закрывались в своих домах, заколачивали окна и двери, отгораживаясь от мира, который стал смертельно опасным. На площадях, где когда-то кипела жизнь, теперь горели костры. Горы человеческих тел сжигали в отчаянной попытке остановить распространение вируса. Дым от этих костров висел над городами, как саван, напоминая о неизбежности.

Но все меры были бесполезны. Вирус был вездесущ. Он проникал сквозь стены, сквозь закрытые двери, сквозь отчаяние и надежду. Он был не просто болезнью, он был концом света – медленным, мучительным, неизбежным. И мир, каким мы его знали, исчезал, оставляя после себя лишь тишину и пепел.

В этой бездне отчаяния, когда шанс на спасение стремился к нулю, появилась искра. Китайская компания «Эпоха Биосайенсиз» предложила не просто лекарство, а радикальное решение – изменение человеческого генома. Обещание было грандиозным: навсегда защитить человека от любого вируса, от любой болезни, от хронических заболеваний.

Времени на долгие раздумья не было. Препарат прошёл первые испытания. Пятьдесят пациентов. Все выжили. Их состояние здоровья было безупречным. Учёные утверждали, что

эти изменения не только даровали неуязвимость к недугам, но и продлевали жизнь до двухсот десяти, а то и до двухсот тридцати лет. Это было не просто спасение – это было преобразование.

Политика компании была проста и безжалостна: капсулу-ДНК мог получить любой желающий. Но за это приходилось платить. Платить своей свободой. Каждый, кто принимал препарат, становился рабом «Эпохи Биосайенсиз». Компания строила свой новый мир, свою цивилизацию, основанную на абсолютном контроле.

Под кожу каждому вводился чип. Он отслеживал каждое его движение. В случае побега чип раскрывался, и в кровь попадал другой препарат – мгновенный убийца, который не оставлял шансов нарушителю. «Эпоха Биосайенсиз» не просто боролась с вирусом – они строили новую цивилизацию. Цивилизацию возрождения человека. Но возрождения ли? Или это было лишь новое, более изощёренное рабство, замаскированное под спасение?

Мир, погружённый в хаос и страх, с жадностью ухватился за эту соломинку. Люди, потерявшие всё, готовы были отдать последнее за шанс выжить, за шанс увидеть рассвет нового дня, даже если этот рассвет будет освещать лишь их собственное рабство. Они верили в обещание долгой жизни, в неуязвимость, в избавление от страданий. Они не видели, что вместе с вирусом отдавали и свою свободу.

«Эпоха Биосайенсиз» действительно создавала новую эпоху. Эпоху, где человечество, освобождённое от болезней и непредсказуемой смерти, становилось организмом, управляемым из единого центра. Эпоху, где индивидуальность, свобода воли, сама суть человечности приносились в жертву на алтарь долгого, но бездушного существования.

Мир замер, когда из Китая пришла новость: вирус, опустошавший планету, наконец-то побеждён. Новая генная терапия, разработанная в лабораториях Поднебесной, обещала спасение. Однако детали были скудны, а мир, измученный пандемией, жаждал немедленных решений.

В этот момент две другие организации, уже давно работавшие над схожими проектами, активизировали свои усилия. Американская компания «Устойчивые бионауки» и австралийская научная организация «Генная терапия нового поколения» не могли позволить себе отстать. Гонка за спасение человечества, а вместе с ней и за мировое господство в области биотехнологий, достигла своего апогея.

Доктор Эвелин Рид, руководитель проекта в «Устойчивых бионауках», смотрел на результаты с нескрываемым удовлетворением. Их подход был радикальным, даже шокирующим. Они скрестили человеческий геном с геномом рептилии. И это сработало. Вирус был повержен.

Первые испытуемые, добровольцы, отчаявшиеся и потерявшие всякую надежду, теперь стояли перед ней. Их кожа, некогда мягкая и нежная, превратилась в толстую, шершавую чешую, переливающуюся в свете лабораторных ламп. Глаза, когда-то человеческие, теперь светились необычным блеском, способные различать цвета, недоступные обычному восприятию, и с лёгкостью фокусироваться на объектах, находящихся как близко, так и далеко. Реакция и сила выросли в разы, превращая их в нечто большее, чем просто люди – они стали «рапторами».

– Это это невероятно, – прошептал один из учёных, наблюдая, как испытуемый с лёгкостью поднимает тяжёлую штангу, которая раньше была ему не по силам.

Эвелин кивнул:

– Цена высока, но и награда не меньше. Для кого-то это неизбежность, для кого-то – начало новой жизни. Мы дали им не просто защиту от вируса – мы дали им эволюцию.

Общественность разделилась. Одни с ужасом смотрели на фотографии чешуйчатых людей, называя это противоестественным и чудовищным. Другие, уставшие от страха и потерь, видели в этом единственное спасение, пусть и ценой изменения своей природы. Для многих,

кто уже потерял близких, перспектива стать сильнее, выносливее, даже если это означало стать другим, была более чем привлекательной.

В то же время, на другом конце света, в Австралии, команда «Генной терапии нового поколения» под руководством доктора Маркуса Блэквуда также праздновала победу. Их терапия тоже защищала от вируса, но побочные эффекты о них можно было написать целую книгу.

– Мы добились успеха, Маркус, – сказала его ассистентка, доктор Лилиан Чен, с ноткой тревоги в голосе. – Но побочные эффекты.

Маркус вздохнул. Он знал. Головные боли, тошнота, головокружение были лишь началом. У некоторых испытуемых наблюдались более серьёзные проблемы: нарушение координации, потеря памяти, а в редких случаях – неконтролируемая мутация.

Мутация подразумевала нечто ужасающее. Будто деление клеток вышло из-под контроля. У человека начинала отрастать вторая голова, дополнительные руки, ноги, внутренние органы. Эти мутации были болезненными, деформирующими и, в конечном итоге, заканчивались смертью.

– Сколько таких случаев, Лилиан? – спросил Маркус, его голос был напряжённым.

– Не более трёх процентов, Маркус. И с учётом сложности ситуации в мире мы посчитали, что это всего лишь погрешность.

– Погрешность, – повторил Маркус, глядя на экран, где отображались данные о последнем случае мутации. Человек, некогда здоровый, теперь представлял собой гротескное нагромождение плоти и костей. – Для тех, кто стал этой погрешностью, это не просто цифра.

Тем не менее, мир был в отчаянии. Три процента по сравнению с сотнями миллионов погибших от вируса казались ничтожной ценой. Правительства под давлением общественности, жаждущей хоть какой-то надежды, были готовы закрыть глаза на эти «погрешности».

Мир за пределами Гонконга оставался серым и безликим, но именно туда, в эту безликость, стремились все взгляды. Гонконг, сияющий неоновыми огнями и неразрушенными небоскрёбами, был центром новой эры, а его сердце билось в ритме «Эпохи Биосайенсиз». Имя Тан Ли, основательницы этой компании, было на устах у каждого выжившего.

«Эпоха Биосайенсиз» не просто создавала будущее – она переписывала его. Их цель была дерзкой, почти богоподобной: достичь бессмертия, изменив человеческий геном. И для этого им нужны были «грязные».

«Грязные» – это не те, кто не мылся или носил рваную одежду. Это были те, кто выжил. Те, кто победил вирус, бушевавший на планете несколько десятилетий назад, с помощью капсул-ДНК, созданных в подполье и меняющих геном. Последствия этих изменений были непредсказуемыми, порой ужасающими, но именно среди «грязных» можно было найти уникальные гены. Гены, которые могли стать ключом к полной расшифровке человеческого генома, к разгадке тайны бессмертия.

Люди Тан Ли были легко узнаваемы. Лысые головы, блестящие под солнцем, с вытатуированными QR-кодами на затылке и левом запястье. Эти коды были их пропуском в любой уголок мира, их разрешением покинуть Гонконг и отправиться на поиски. Они были охотниками, и их добычей были гены.

В электронных магазинах Гонконга можно было заказать практически всё. Капсула-ДНК категории «А» могла изменить цвет волос, глаз, слегка подкорректировать внешность. Это было обыденностью, как утренний кофе. Категория «Б» предлагала более радикальные изменения: из худощавого низкорослого мужчины можно было превратиться в двухметрового атлета или даже сменить пол. Это было дорого, но доступно для тех, кто мог себе это позволить.

Но были и категории «В» и «Г». Их не было в продаже. Это были те самые капсулы-ДНК, которые когда-то спасли мир от вируса. Вот так мир и разделился на четыре категории человечества: рапторы, которые проживали на территории Северной Америки; погрешники, жители

Австралии; гонконгцы; и грязные, которые были раскиданы по всему оставшемуся миру, преобладая на берегах Франции, Германии, Норвегии и Японии.

Мир, каким его знали до Великой пандемии, канул в Лету. Остался лишь шёпот воспоминаний, передаваемый из уст в уста, да старые выцветшие фотографии, которые мало кто уже понимал. Но кое-что выжило и даже расцвело в этой новой суровой реальности: водный транспорт. Моря, эти бескрайние, вечно меняющиеся просторы, стали артериями, по которым текла жизнь между осколками цивилизации. И моряки, эти отважные, закалённые люди, стали героями, чьи суда, словно ковчеги, спасали не только грузы, но и надежду. Они оставались на своих кораблях, изолированные от бушующей на суше заразы, пока на горизонте не забрезжил луч спасения – генная инженерия, подарившая человечеству шанс на выживание.

Но даже спасённые не были равны. Были те, кто трудился на земле, в портах – этих шумных, грязных, но жизненно важных узлах. Они разгружали суда, чинили доки, налаживали торговлю, создавали подобие досуга для уставших моряков, возвращающихся из долгих плаваний. Они были фундаментом, на котором держался этот новый хрупкий мир.

В одном из таких портов, под названием Фос-сюр-Мер, и трудился двадцатилетний Кристоф. Он оказался здесь ещё младенцем, в этом бурлящем котле из запахов соли, рыбы, машинного масла и пота. Его мир был ограничен причалами, складами, тавернами и борделями, где моряки находили утешение после месяцев одиночества. Свою мать он не помнил. Он думал, что она была одной из тех женщин, которым были рады моряки после долгого плавания, – не просто игрушкой, а той, кто дарил им тепло и забвение. До его двух лет она не расставалась с Кристофом ни на секунду, даря ему всю свою нежность и материнскую ласку. Он часто представлял её мягкие руки, её смех, её запах – смесь цветов и чего-то неуловимо-женственного. Но она просто исчезла. Так, словно её никогда и не было. Никто не знал, куда она делась, и никто не спрашивал. В порту такие исчезновения были обычным делом.

Порт стал его отцом, дедом, братом, родным домом. Он выжил. Он научился зарабатывать. Сначала таскал ящики, потом чинил сети, потом помогал на складах. Его руки были мозолистыми, а взгляд – острым и цепким. Для него не было мира «до» и «после». Для него был только тот мир, в котором он родился, мир Фос-сюр-Мер, где каждый день был борьбой, но и каждый день приносил новые возможности.

Кристоф знал каждый закоулок порта, каждый скрип досок, каждый запах. Он знал, где можно найти лучшую рыбу, где самый дешёвый ром и где можно услышать самые невероятные истории от моряков, приплывших из далёких, почти мифических земель. Он слушал их рассказы о городах, где небоскрёбы касались облаков, о лесах, где деревья были выше самых высоких мачт, о людях, которые жили совсем по-другому. Эти истории были для него как сказки – далёкие и нереальные, но в то же время манящие.

Вечерело. Солнце, словно раненый гигант, медленно опускалось за горизонт, заливая небо оттенками кровавого вина и расплавленного золота. Кристоф, как всегда, сидел на краю старого, пропахшего солью и рыбой причала, свесив ноги в прохладную ласковую воду. Бескрайнее море, мерцающее под последними лучами, казалось ему бесконечной загадкой. Силуэты кораблей, медленно растворяющиеся в туманной дымке, уносили с собой его мысли в неведомые дали. В груди Кристофа разливалось странное, щемящее чувство – тоска по чему-то неуловимому, по тому, чего он никогда не знал, но что, казалось, неустанно звало его. Он был частью этого порта, его кровью и плотью, каждый скрип досок, каждый крик чаек был ему знаком. Но где-то в глубине души, под слоем привычной рутины, таилось ощущение, что есть нечто большее, чем эти пыльные склады и вечно суетящиеся причалы.

В один из таких вечеров, когда закат был особенно ярок, а море казалось особенно безмятежным, тишину нарушил резкий пронзительный звук сирены. Это был не обычный сигнал тревоги, а тот, что означал немедленный сбор всех работников порта на территории главного

склада. Такие сообщения были редкостью, но всегда несли с собой привкус тревоги, предчувствие чего-то необычного. Сегодня причиной сбора стало появление людей Тан Ли.

Они стояли у главного входа на склад, окружая директора порта Аллена Касселя. Посреди широкой площадки, освещённой тусклыми лампами, были установлены несколько медицинских палаток, их белоснежные стены казались чужеродными в привычной портовой обстановке. Рабочие один за другим медленно подтягивались, выстраиваясь вдоль высоких железных ворот склада, их лица выражали смесь любопытства и настороженности.

Директору Касселю вынесли старый, выдавший виды радиомикрофон. Его голос, слегка дрожащий и прерываемый кашлем, разнёсся по площади из динамиков, которые ещё недавно издавали тревожную сирену.

– Уважаемые работники порта, – начал он, прикрывая рот рукой. – Из Гонконга к нам прибыли уважаемые люди, работники компании «Эпоха Биосайенсиз». Они проводят исследование на наличие вируса у людей. Я попрошу вас без суеты, по очереди входить в медицинские палатки. Далее вы получите свои жетоны и вернётесь обратно на свои места. Если у кого-то будет подозрение на наличие вируса, вас заберут в Гонконг для прохождения лечения. Можете приступать.

Кристоф слушал слова директора, но его взгляд был прикован к людям Тан Ли. Их строгие, непроницаемые лица, безупречно чистая одежда, уверенные движения – всё это резко контрастировало с грубой рабочей атмосферой порта. Они были чужими, пришельцами из другого мира, и их присутствие здесь, в этом месте, которое он считал своим домом, вызывало в нём ещё более сильное, необъяснимое волнение.

Толпа постепенно превратилась в четыре очереди – по одной в каждую палатку. Анализ брали быстро: к медицинскому пистолету крепили иглу и пробирку, из коробки доставали жетон – пластиковый круг с отверстием с одной стороны, номером, с другой стороны – наклейку, которую приклеивали на пробирку с таким же номером. Очередь двигалась быстро, люди в белых халатах профессионально меняли пробирки и иглы, было件нятно, что для них это обычное дело.

Кристоф, получив свой жетон, обернулся, чтобы посмотреть, большая ли ещё очередь, и не заметил, как столкнулся с девушкой, которая шла впереди. Их жетоны упали, и принося свои извинения, он поднял и отдал один девушке, а второй оставил себе. Она мило улыбнулась, и они вышли из палатки, направляясь назад к воротам склада.

– Простите, я неловкий, – сказал Кристоф, чувствуя, как краснеют его уши.

Девушка покачала головой:

– Ничего страшного. Бывает.

Она была невысокой, с копной тёмных волос, выбившихся из-под рабочей кепки. Её глаза цвета тёмного шоколада смотрели на него с лёгкой усмешкой.

– Я Кристоф, – представился он.

– Лина, – ответила она. – Ты давно здесь работаешь?

– Всю свою жизнь. А ты?

– Я новенькая. Только месяц назад приплыла из Австралии. Здесь много работы для таких, как я.

– В порту? Это тяжело.

– Я не боюсь трудностей, – Лина улыбнулась. – А что это за жетоны? И почему нас всех проверяют?

Кристоф пожал плечами:

– Директор сказал – проверка на наличие вируса. Из Гонконга приехали специалисты.

– Вирус, – Лина нахмурилась. – Трудно представить, что только пять процентов всего человечества смогли выжить. А если обнаружат?

– Не знаю. Но если что-то найдут, то заберут в Гонконг на лечение.

Лина вздрогнула:

– В Гонконг? Это далеко.

Они подошли к воротам склада. Кристоф остановился.

– Ну, я буду ждать здесь, – сказал он. – Приятно было познакомиться, Лина.

– И мне, – ответила она. – Надеюсь, мы ещё увидимся.

Кристоф кивнул и встал возле ворот склада. Он чувствовал себя немного странно. Встреча с Линой, её улыбка, её вопросы – всё это отвлекло его от тревожных мыслей о вирусе и людях Тан Ли. Но теперь, когда он снова остался один, беспокойство вернулось.

Очередь, казалось, таяла на глазах. Ещё пара минут – и перед палатками появились фигуры людей Тан Ли и директор Аллен Кассель. Из палаток, словно призрак в белых халатах, выходили люди, передавая записки. После короткого напряжённого совещания директор Кассель взял в руки микрофон.

– Итак, я буду называть номера с жетонов. Те, чьи цифры совпадут, прошу выйти к нам, – объявил он, и в толпе тут же поднялась суета. Все лихорадочно стали сверять свои жетоны с произносимыми цифрами.

– Первый жетон – Д/576. Второй жетон – Ф/023. И третий жетон – Д/244. Трое выходят, остальные – разойдитесь по своим делам, – скомандовал Аллен.

Кристоф взглянул на свой жетон. Д/243. Он был всего в одном шаге от названной цифры. Протискиваясь сквозь уходящую толпу, он мельком увидел, как к палаткам направляется Лина, его новая знакомая, – она была одной из тех, кого вызвали. Не придавая этому особого значения, он направился к своей комнате, расположенной в доме на самой окраине улицы Моряков, которую когда-то подарил ему сам Аллен Кассель.

Улица Моряков, как правило, представляла собой бурлящий котёл из борделей и трактиров, чьи крики и смех не умолкали ни на минуту. Поэтому покои Кристофа, расположенные вдали от этого шума, дарили ему столь желанную тишину. Комната была невелика, но вид из окна раскрывал всю величественную панораму Средиземного моря. А лунный свет, серебривший водную гладь, добавлял этой картине особую, завораживающую красоту.

Кристоф отпер дверь старым ключом и вошёл внутрь. Воздух в комнате был прохладным и свежим, пахнувшим солью и лёгким бризом. Он бросил жетон на небольшой деревянный столик у окна, рядом с недочитанной книгой и потухшей свечой. Сняв куртку, повесил её на крючок у двери, затем подошёл к окну.

Море действительно было великолепно. Лунная дорожка, словно серебряная лента, тянулась до самого горизонта, а лёгкие волны мерно накатывали на берег, создавая умиротворяющий шёпот. Кристоф глубоко вздохнул, пытаясь отогнать мысли о жетонах, о Лине, о том, что происходило у палаток. Ему хотелось просто забыться в этой тишине, в этом покое.

Кристоф закрыл глаза, пытаясь представить, что сейчас происходит с ней. Надежда, что всё будет хорошо, боролась с тревожным предчувствием. Он не мог понять, почему его так задевает эта ситуация. Возможно, потому что он сам был так близок к тому, чтобы оказаться среди выбранных. Д/243 и Д/244 – всего одна цифра. Эта мысль не давала ему покоя.

В это время судно компании «Эпоха Биосайенсиз» уже готовилось к отправлению в Гонконг. На палубе царил деловая суета: оборудование, словно причудливые морские существа, и палатки, похожие на спящие паруса, грузились в трюм. Воздух был пропитан запахом рыбы, машинного масла и предвкушения дальнего плавания.

Среди этой предстартовой лихорадки трое отобранных пассажиров были препровождены в отдельные каюты. Двери за ними закрылись с глухим щелчком, оставляя их наедине с собственными мыслями и неизвестностью. Лина, одна из них, ощущала, как внутри неё борются два чувства. С одной стороны, её терзало беспокойство: именно её анализы привлекли такое пристальное внимание специалистов. Это было странно, даже пугающе. Но с другой стороны, где-то в глубине души теплилась надежда. Может быть, это и к лучшему? Может быть, именно

это пристальное внимание откроет что-то важное, что-то, что изменит её жизнь. Она сняла кепку, позволяя густым тёмным волосам рассыпаться по плечам, и легла на узкую шконку, закрыв глаза. Тело ощущало усталость, но разум был полон вопросов, ожидая начала этого загадочного путешествия.

Тем временем в тени судна двигались две фигуры. Гуанг и Дэй, верные помощники Тан Ли, были её правой и левой рукой, её незыблемой опорой. Их преданность была не просто долгом, а глубоким, искренним чувством. Таких людей, кому можно было бы доверить самое сокровенное, действительно стоило поискать. Они ещё раз проверили двери кают, убедившись, что всё в порядке, и направились к рубке. Их миссия была выполнена, и теперь предстояло доложить о результате.

Порт Фос-сюр-Мер был их последней остановкой перед возвращением. Это означало, что можно было подвести итоги. За плечами осталась напряжённая работа, множество проведённых исследований, и теперь, в преддверии долгого пути, наступало время для анализа. В тишине ночи, под мерное покачивание судна, начинался новый этап.

Восемнадцать суток, наполненных мерным покачиванием палубы и монотонным гулом двигателей, наконец-то подошли к концу. Корабль, словно уставший странник, медленно входил в акваторию Южно-Китайского моря. В порту, словно приветствуя его, уже выстроились ряды автобусов, а рядом с ними, выделяясь среди прочих, стоял автомобиль Тан Ли.

Тан Ли, женщина с острым взглядом, в сопровождении своего телохранителя Фу уже получила первые результаты. Информация о геномах людей, чьи образцы были собраны в ходе экспедиции, была для неё важна, но один из них привлёк её особое внимание. Геном Лины, обозначенный номером Д/244, представлял собой загадку, которую не могло разгадать оборудование на корабле. Но это было именно то, чего ожидали учёные из «Эпохи Биосайенсиз».

«Как только геном человека подарит ему бессмертие, ген будет защищать себя любыми способами, чтобы не дать возможности его копирования», – эхом отдавались в голове Тан Ли слова одного из её самых блестящих сотрудников по имени Лай Чжибинь. Эта мысль, казавшаяся когда-то просто догадкой, теперь обретала осязаемую реальность.

Корабль причалил. Первыми, словно разведчики, сошли на берег помощники Тан Ли – Гуанг и Дэй. Затем, под их присмотром, матросы начали выводить подопытных. Среди них была и Лина. Яркий солнечный свет после полумрака каюты ослепил её. Она инстинктивно опустила козырёк кепки ниже, давая глазам привыкнуть к непривычной яркости. Пока они адаптировались, их построили в ряд рядом с автобусами. Лина огляделась. Почти полсотни таких же, как она, стояли, ожидая своей участи.

Всё время, проведённое в пути, её преследовала одна и та же мысль, словно навязчивый кошмар: мысль о том, что она действительно является носителем вируса. Вируса, который, как ей казалось, был давно побеждён. Теперь она считала его своим проклятием.

Лицо Дэя было непроницаемой маской, лишь лёгкое напряжение в уголках глаз выдавало сосредоточенность. Он обвёл взглядом толпу собравшихся на палубе, и его голос, ровный и властный, прорезал шум ветра:

– Рассадить всех по автобусам.

Затем его взгляд, острый и цепкий, остановился на Лине:

– А её, с жетоном Д/244, – к машине Тан Ли.

Лина, почувствовав на себе его взгляд, невольно взглянула на свой жетон, который держала в руке. Д/244. Цифры, которые теперь казались печатью, отделяющей её от остальных. Не сопротивляясь, она последовала за матросом, который указал ей направление.

Перед ней стоял автомобиль, который выглядел как реликвия из другого времени. Старая, но ухоженная кожа салона, потёртая от времени, придавала ему особый деловой вид. Дверь открылась, и изнутри раздался вежливый голос:

– Здравствуй, прошу, присаживайся.

Тан Ли, чья фигура была воплощением элегантности, уже сидела внутри. Её деловой костюм серого цвета и ярко-красный кожаный плащ создавали образ уверенной в себе женщины.

Лина, ощущая неловкость от своей рабочей формы, засаленной и контрастирующей с безупречным нарядом Тан Ли, осторожно присела на сиденье. Салон машины, несмотря на свою потрепанность, излучал атмосферу серьёзности и целеустремлённости. За рулём сидел водитель, одетый в чёрное и тёмные очки, его присутствие было почти незаметным, но ощутимым. На переднее сиденье сел Фу. Его одежда была проще: чёрные брюки, голубая рубашка и чёрная кожаная куртка, которая, казалось, скрывала за собой что-то более существенное, чем просто ткань.

Тан Ли, заметив лёгкое смущение Лины, улыбнулась:

– Фу едет со мной. Гуанг и Дэй сопровождают автобусы.

Её голос был спокоен, словно она привыкла к таким ситуациям. Лина кивнула, пытаясь справиться с нахлынувшим чувством неопределённости. Она не знала, куда её везут и зачем, но одно было ясно: её путь теперь лежал в другом направлении, отличном от тех, кто отправился в автобусы. Автомобиль тронулся, плавно набирая скорость.

– Ты знаешь, почему ты здесь? – начала диалог Тан Ли, поворачиваясь к Лине.

Лина не поднимала глаз, которые были прикованы к жетону в её руках.

– Нет, не знаю. Нам сказали, что у меня в крови обнаружили вирус, вот и отправили на лечение. – Её голос был тихим, почти шёпотом.

– Нет, немного не так, – продолжила Тан Ли, её взгляд был пронизательным, но не агрессивным. – Моя компания продолжает заниматься изучением генома человека. Мы ищем интересные мутации, которые позволят нам помочь человеку обрести бессмертие.

Лина с удивлением посмотрела на Тан Ли, её глаза расширились. Бессмертие? Это звучало странно, но совершенно понятно.

– Так вот, как нам кажется, по тем материалам, которые мы успели изучить, ты обладательница особого мутирующего генома. – Тан Ли взяла Лину за руку, её прикосновение было неожиданно мягким. – Если это действительно так, тебя ждёт хорошее, беззаботное будущее, можешь даже в этом не сомневаться. Поэтому сейчас мы приедем в город, ты отдохнёшь, приведёшь себя в порядок, и уже завтра мы приступим к его изучению.

Лина вытащила свою руку из рук Тан Ли, показывая знак протеста. Её сердце бешено колотилось. Беззаботное будущее? Всё это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой, и слишком зловеще, чтобы быть просто совпадением.

Тан Ли поняла её жест и продолжила, её голос стал чуть жёстче, но всё ещё сохранял спокойствие:

– А в худшем случае мы можем обойтись и без твоего согласия, но мне бы этого не хотелось.

Слова повисли в воздухе – тяжёлые и неоспоримые. Лина почувствовала себя полностью беззащитной. Она была в ловушке, и это осознание было куда страшнее любого вируса. Её путь действительно изменился, и теперь он вёл в неизвестность, где её собственное тело могло стать ключом к чужим амбициям.

Спустя сорок лет после того, как девяносто пять процентов населения Земли вымерли, Гонконг стал одним из трёх густонаселённых мест на планете. Улицы, когда-то бурлящие жизнью, теперь были широкими и пустыми, лишь изредка проезжали машины. Дома на окраине города стояли полуразрушенными, заросшими дикой растительностью, словно памятники ушедшей эпохе.

Тан Ли смотрела в окно своего бронированного автомобиля, и её взгляд скользил по этим улицам. Она видела, как город постепенно оживает, как люди, словно муравьи, снуют по своим делам, работая и служа городу, который теперь полностью находился под присмотром

её компании. В её глазах светилось удовлетворение, смешанное с гордостью. Именно она, Тан Ли, подчинила себе этих людей, дала им противоядие.

Глаза Лины были полны задумчивости. Она смотрела на Гонконг, но не могла сравнить его ни с чем другим. Она родилась уже после катастрофы в Австралии, и для неё этот мир был единственным. Она никогда не видела переполненных улиц, шумных рынков, бесконечного потока машин. Для неё Гонконг был таким, каким он был всегда – величественным, но немного пустынным, управляемым, но лишённым спонтанности.

По мере приближения к центру города картина менялась. Полуразрушенные дома сменялись ухоженными зданиями, а на улицах появлялось всё больше людей. Они были одеты в униформу «Эпохи Биосайенсиз», их лица были сосредоточены, а движения – отточены. Они были инженерами, учёными, техниками, охранниками – всеми теми, кто поддерживал жизнедеятельность этого нового Гонконга.

В самом центре города возвышался огромный небоскрёб – Центр Международного Бизнеса. Его стеклянные стены отражали бледное солнце, а на вершине гордо красовался логотип «Эпоха Биосайенсиз». Именно здесь располагалась научная часть компании, её мозг, её сердце. По всей округности небоскрёба стояли люди с оружием, охраняя его как священное место. Их взгляды были острыми, а движения – уверенными. Они были готовы отдать жизнь за этот центр, за эту компанию, за этот новый мир.

Ворота ЦМБ плавно открылись, и машина Тан Ли въехала на подземную парковку. Лину не покидало волнение. Она знала, что внутри этого здания решаются судьбы, что здесь создаётся будущее. И она, Лина, была частью этого будущего, частью этой новой эпохи.

Тан Ли вышла из машины, её взгляд был твёрдым и решительным. Она была архитектором этого нового мира и была готова продолжать строить его, кирпичик за кирпичиком, день за днём. Гонконг, когда-то символ процветания и суеты, теперь стал отражением выживания и возрождения, новой эры, управляемой «Эпохой Биосайенсиз». И Тан Ли была её бесспорным, но пока не бессмертным лидером.

Ночь в уютном номере пролетела незаметно, оставив после себя лишь лёгкое послевкусие покоя, которое, как Лина чувствовала, вот-вот должно было быть нарушено. Едва рассветные лучи пробились сквозь шторы, как в дверь постучали. Это были Гуанг и Дэй, их лица, как всегда, серьёзные, и в глазах не было ни грамма сочувствия. Они пришли за Линой, чтобы проводить её в лабораторию, где её уже с нетерпением ждали.

Процедура, которую ей предстояло пройти, была проста в описании, но пугающе сложна в исполнении. Чтобы взять ДНК с особенностью её генома, необходимо было остановить сердце Лины, затем взять кровь и вновь запустить его. Таким образом геном становился более уязвимым, и его можно было расшифровать. Мысль об этом заставляла её внутренне сжиматься, но она знала, что другого варианта просто нет.

Дверь открылась, и Лину повели по длинному коридору. Каждый шаг отдавался эхом в тишине, усиливая напряжение. Наконец они остановились перед массивной дверью, которая распахнулась, открывая взору просторное помещение. В центре стояла подготовленная койка, окружённая людьми в халатах и медицинских масках. Их лица были скрыты, но Лина чувствовала их пристальные взгляды.

Она шла, оглядываясь по сторонам, пытаясь найти хоть что-то знакомое, что могло бы дать ей опору. И тут её взгляд остановился. Среди безликих фигур в масках она увидела Тан Ли. Её взгляд был холодным, а губы едва заметно растянулись в улыбке. Тан Ли что-то прошептала, стараясь придать ей уверенности, и хотя Лина не расслышала слов, она почувствовала их смысл. Это был безмолвный призыв к мужеству, обещание, что всё будет хорошо.

Лина подошла к койке и легла. Холодный металл коснулся её спины, заставляя вздрогнуть. Её сковали ремнями – не для того, чтобы удержать, а чтобы обеспечить неподвижность во время процедуры. В вену вставили катетер, и в кровь начал медленно поступать препарат.

Ощущение было странным: лёгкое покалывание, затем нарастающая тяжесть в конечностях. Веки стали тяжёлыми, и мир вокруг начал расплываться. Глаза закрылись, и она погрузилась в глубокий беспробудный сон, отдавшись во власть тех, кто должен был разгадать тайну её генома.

Монитор, ещё мгновение назад демонстрировавший ровный уверенный ритм, вдруг замерцал. Пульс начал замедляться, удары сердца становились всё короче, прерывистее – и вот оно остановилось. В воздухе повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь писком аппаратуры. Шприц в руке Лай Чжибиня медленно наполнялся тёмной густой кровью. Когда он был полон, Лай отдал команду:

– Дефибриллятор!

Вспышка, короткий разряд – и на мониторе вновь забилося сердце. Диаграмма ожила, пульс начал медленно, но верно возвращаться к норме.

Лай Чжибинь со шприцем в руке направился к столу, заставленному пробирками и бутылочками. Аккуратно перелив кровь в одну из пробирок, он погрузил её в специального робота для выделения ДНК. Наука шагнула так далеко, что результат не заставил себя ждать. Через минуту распечатанная диаграмма, итог анализа, уже была у него в руках. Он внимательно изучал её, сравнивая с данными, полученными с корабля.

Тан Ли, наблюдая за ним, почувствовала, что Лай засомневался. Она подошла ближе.

– Что-то не так? – спросила Ли.

– Боюсь, данные, которые нам прислали, принадлежат совсем другому человеку, а не тому, кто сейчас на койке, – ответил Лай, оторвавшись от анализа.

– Как не тому?

– И самое странное, что они принадлежат мужчине, а не женщине. Удивительно, как мы сразу этого не заметили, – продолжил Лай.

Ли с гневом направилась к Гуангу и Дэйю, которые ещё не до конца осознали произошедшее.

– Кого вы мне привезли? Где человек, чья кровь была передана нам в пробирке с номером Д/244? – закричала Ли, размахивая у них перед лицом пробиркой с номером Д/244.

Гуанг и Дэй растерянно оглядели койку, на которой лежала Лина.

– Это не тот человек! Эта кровь принадлежит мужчине, а она – женщина. Как такое могло произойти? – продолжала кричать Ли.

Затем она подошла к койке и начала бить Лину по щекам. Взяв в руки жетон, с которым приехала Лина, она начала задавать вопросы:

– Где ты его взяла? Откуда он у тебя? Кто его тебе дал?

Лина, открыв глаза, ещё не понимала, что происходит, и совершенно не реагировала на её крики.

– Вы два идиота! Немедленно берите её и возвращайтесь в порт. Без обладателя этого ДНК можете не возвращаться! – скомандовала Ли и покинула лабораторию. За ней последовал Фу – её верный телохранитель.

Лина пришла в себя, когда машина уже мчалась по пустынным улицам Гонконга, направляясь в порт. За рулём сидел Гуанг, его лицо, как всегда, оставалось непроницаемым. Дэй, злой и молчаливый, смотрел вперёд, его челюсть была плотно сжата. Лина нутром чуяла: что-то пошло не так. Очень сильно не так.

Они возвращались в порт Фос-сюр-Мер. Корабль, лишь вчера причаливший, спешно готовился к новому отплытию. Его массивный корпус казался ещё более грозным в предрасветной мгле.

Гуанг заглушил двигатель прямо у трапа. Наступившая тишина после рёва мотора оглушала. Он вышел из машины и открыл дверь для Лины. Ноги её были ватными, но она послушно последовала за ним к трапу. Дэй шёл следом, его шаги были тяжёлыми и решительными.

Они вошли в каюту – просторнее и лучше обставленную, чем та, где Лина провела последние две недели. Мягкий диван, небольшой журнальный столик, приглушённый свет. Дэй жестом предложил Лине сесть в кресло у столика. Гуанг закрыл дверь, и щелчок замка эхом отозвался в тишине.

Дэй достал из кармана знакомый Лине жетон. Металлический кругляш с выгравированным номером, который она успела изучить наизусть. Он положил его на столик перед ней.

– Откуда он у тебя? – произнёс Дэй. Голос его был ровным, но в нём сквозила скрытая угроза.

Лина приподняла плечи, пытаясь скрыть дрожь:

– Мне выдали его после того, как взяли кровь на анализ, – прошептала она едва слышно.

Дэй достал раскладной нож. Лезвие блеснуло в тусклом свете. Он положил руку Лины на столик. Лина инстинктивно дёрнулась, но Гуанг, стоявший за её спиной, крепко схватил её за плечи. Дэй, не задумываясь ни на секунду, отрезал её мизинец.

Лина даже не успела осознать произошедшее. Боль пронзила её, как удар молнии. Кровь хлынула по столу – алая струя на светлой поверхности. Она с ужасом прижала руку к груди, закрывая рану другой рукой, глаза расширились от шока и боли. Она смотрела на Дэя: в его глазах не было ни тени сожаления, лишь холодная решимость. Затем её взгляд метнулся к Гуангу, ища помощи, но он был непоколебим, его лицо оставалось маской безразличия.

– Откуда он у тебя? – повторил Дэй тем же спокойным голосом, словно только что не совершил чудовищного акта насилия.

Со слезами на глазах Лина испуганно повторила, захлёбываясь словами:

– Мне его выдали люди в халатах, которые были в медицинских палатках в порту, вы ведь тоже там были!

Дэй снова подошёл к Лине. Его движения были отточены, лишены всякой суеты, словно он выполнял привычное рутинное действие. Он оторвал её руку от груди, где она инстинктивно пыталась прикрыть рану, и положил её снова на стол. Лина закричала, но крик оборвался, когда лезвие снова блеснуло в тусклом свете каюты. Теперь он отрезал ей безымянный палец.

Истерика накрыла её второй волной, захлестнув с головой. Боль была невыносимой, пульсирующей, но ужас от происходящего был ещё сильнее, парализуя и опустошая. Она упала на колени, зажимая изувеченную руку между ног, словно пытаясь остановить кровотечение и спрятать её от чужих глаз. Голова опустилась вниз, и из груди вырвался истошный, надрывный вой, полный отчаяния и безысходности. Кровь продолжала капать на пол, образуя тёмные расползающиеся пятна на светлом ковре, словно зловещие отметины её страданий.

В каюте стояла тяжёлая гнетущая тишина, нарушаемая лишь её прерывистым судорожным дыханием и тихим монотонным стуком капель, отмеряющих, казалось, последние мгновения её прежней жизни. Гуанг и Дэй молча наблюдали за ней, их лица оставались непроницаемыми, словно они были высечены из камня, лишённые всякого выражения. Для них Лина была лишь инструментом, объектом, а её боль – досадной помехой, которую нужно было преодолеть, чтобы достичь своей цели.

– Мне повторить вопрос? – спокойным, ровным голосом произнёс Дэй, его слова прозвучали как приговор.

Лина боялась, боялась произнести любое слово, боялась привлечь к себе ещё большее внимание. Она продолжала стонать, не поднимая головы, погружённая в свой собственный ад. Тогда, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, Гуанг начал говорить; его голос был чуть мягче, но всё ещё пронизан сталью:

– Пойми, это маленькое недоразумение поставило нас в неловкое положение перед Тан Ли, и чтобы нам его поправить, я хочу знать, откуда у тебя или чей же это жетон?

Он взял его со стола, где он лежал, словно насмехаясь над ней, и бросил на пол перед Линой.

Падение жетона, его глухой стук о пол сразу напомнили ей о том вечере. Как в очереди на выходе из палатки её толкнул какой-то парень, и их жетоны упали. Возможно, тогда они могли их перепутать. Лина подняла голову, её глаза, полные слёз и страха, встретились с взглядом Гуанга.

– Я вспомнила, – прошептала она. – Возможно, когда мой жетон упал, я случайно перепутала его с жетоном парня из толпы. Его звали Кристоф.

– А вот это уже другой разговор, – в голосе Гуанга появилась нотка интереса. – Кто этот Кристоф, откуда он?

Он опустился на пол к Лине, его поза стала более доверительной, но в глазах всё ещё читалась настороженность.

– Я не знаю, – продолжила оправдываться Лина, боясь потерять остатки доверия. – Я с ним познакомилась в тот вечер, перед тем как мы отчалили. Он сказал, что родился и всю жизнь работает в порту, раньше я его никогда не видела.

– Хорошо, – Гуанг поднялся, его лицо снова стало непроницаемым. – Тогда мы сейчас отправимся обратно, и ты нам его покажешь. Надеюсь, ты нам поможешь?

Лина кивала головой, давая своё согласие. Её тело дрожало, но в глубине души затеплилась крошечная искорка надежды. Дэй, словно не замечая её страданий, вытер нож о спинку дивана, сложил его и убрал обратно во внутренний карман куртки. У входной двери каюты висела аптечка. Гуанг открыл её, достал бинт и перекись водорода, протянул их Лине, произнося шёпотом:

– И пожалуйста, без глупостей.

Они вышли из каюты, оставив Лину одну со своими мыслями и проблемами. Дверь закрылась с глухим стуком, отрезая её от внешнего мира. Лина осталась сидеть на полу, прижимая изувеченную руку к себе. Слёзы текли по её щекам, смешиваясь с грязью и кровью. Она смотрела на жетон, лежащий на полу, и в её голове проносились обрывки воспоминаний о Кристофе, о том вечере, когда всё началось.

Ей нужно было собраться. Нужно было перевязать рану, остановить кровотечение. Но руки не слушались, дрожали, а боль была настолько сильной, что затмевала всё остальное. Она попыталась встать, но ноги подкосились, и она снова упала. Отчаяние снова накрыло её, но на этот раз оно было смешано с яростью. Яростью на Дэя, на Гуанга, на Тан Ли, на весь этот жестокий мир, который так безжалостно обошёл с ней.

Она медленно, с трудом открыла флакон с перекисью и облила рану. Лина зашипела от боли, но продолжила обрабатывать пальцы. Затем дрожащими руками намотала бинт, стараясь сделать это как можно туже, чтобы остановить кровь.

Когда она закончила, в каюте стало немного светлее. Солнце уже поднималось над горизонтом, пробиваясь сквозь иллюминатор. Лина посмотрела на свои руки. Одна была изувечена, но другая, целая, сжимала жетон Кристофа.

Для Тан Ли это было поражением. Кровь, которую она держала в пробирке, принадлежала человеку, чьё ДНК было загадкой, не поддающейся расшифровке. Время, драгоценное и неумолимое, утекало сквозь пальцы, но поиск оставался её главным приоритетом. Ведь ещё два гиганта – американская и австралийская корпорации – тоже предвкушали триумф, но их ждал сюрприз. Встреча, посвящённая изучению генома, должна была состояться на островах Японии.

История хранила молчание о том, что именно там, в тени цветущей сакуры, проводились первые дерзкие эксперименты по изменению человеческого генома. Результаты этих испытаний оставались тайной, окутанной завесой секретности. Но именно из Японии, словно из тайных подвалов, начали появляться капсулы-ДНК, распространяющиеся по миру с пугающей скоростью. Более половины «грязных» – тех, кто выжил в хаосе, но был отмечен мутациями, –

обязаны своим спасением именно японским разработкам. Сотни лабораторий, объединившись под знаменем «Эссенция Сакуры», были готовы явить миру плоды своих трудов.

Но теперь ставки были куда выше, чем просто спасение. Это была игра за власть, за мировое господство. Тот, кто предложит наиболее совершенный вариант изменения генома, сможет претендовать на роль лидера всего уцелевшего мира. Япония с её скрытой мощью и амбициями была готова ворваться на этот рынок, бросив вызов трём основным игрокам. Им не хватало лишь одного ресурса – самого человека. Их корабли, словно семена, разлетевшиеся по всему миру, были отправлены в порты, разбросанные по всем континентам. И один из них, с символом цветущей сакуры на борту, пришвартовался к берегу Фос-сюр-Мер.

Портовый город, пропитанный запахом соли, рыбы и дешёвого алкоголя, жил своей привычной жизнью. Каждый день был похож на предыдущий: скрип корабельных снастей, крики чаек, гул голосов, смешанный с музыкой из портовых баров. И вот в эту привычную суету ворвались они – люди «Эссенции Сакуры». Их появление было столь же неожиданным, сколь и ярким. Они несли с собой нечто чуждое этому миру, что-то, что обещало перемены.

Они бродили по узким улочкам, заглядывали в полутемные бордели и шумные бары, их лица были спокойны и уверены, а в руках – стопки глянцевых листовок. «Стань частью нового мира», «Начни жизнь заново» – гласили заголовки, написанные на незнакомом, но завораживающем языке.

Одна из таких листовок, подхваченная порывом ветра, закружилась в воздухе и опустилась прямо к ногам Кристофа. Он стоял на причале, вглядываясь в бескрайнее море, как делал это почти каждый вечер. Порой, когда солнце садилось за горизонт, окрашивая небо в багровые тона, в его душе просыпалась тоска по чему-то большему, по неизведанным далям, по возможности стать частью чего-то грандиозного.

«Компания Эссенция Сакуры предлагает вам стать частью нового мира, новой цивилизации, мы будем рады любому желающему, по всем вопросам можно обратиться к нашим сотрудникам», – прочитал Кристоф вслух, его голос был тихим, почти шёпотом. Слова звучали странно, но в то же время пробуждали в нём давно забытые мечты.

– Кристоф, привет! – раздался знакомый голос за его спиной.

Это был Макс, его давний знакомый, с которым они пересекались в портовых тавернах, но никогда особо не дружили. Макс, заметив листовку в руках Кристофа, подошёл ближе.

– Что думаешь? – спросил он, кивнув на бумагу.

– Честно, даже не знаю. Странно это всё, – ответил Кристоф, всё ещё пытаясь осмыслить прочитанное.

– Пойдём в «Каракатицу», там сейчас будет выступать один из этой организации, – предложил Макс, указывая на один из самых крупных баров в порту, известный своими шумными вечерами и громкой музыкой.

Кристоф колебался. Его всегда привлекала тайна, но и настораживала.

– Думаешь? – спросил он, глядя на Макса.

– Пойдём, просто послушаем, – уговаривал Макс, его глаза горели любопытством.

Кристоф, хоть и сомневался, всё же решил составить компанию Максусу. Что-то в этой листовке, в этих словах о «новом мире» зацепило его.

Когда они подошли к «Каракатице», их встретил гул голосов и музыка, доносящаяся изнутри. На удивление Кристофа, бар был забит до отказа. Люди стояли плечом к плечу, ожидая появления оратора, которого ещё не было видно. Кристоф и Макс встали рядом с входом, прижавшись к стене, – пробиться ближе сквозь плотную толпу не было никакой возможности. Воздух был наэлектризован ожиданием.

Гул в баре, до этого заглушавший даже мысли, внезапно стих. Из столов, словно по волшебству, был построен подиум, на который поднялся человек. Его костюм был светло-серым, безупречно отглаженным, лакированные коричневые ботинки блестели в тусклом свете, а акку-

ратно повязанный галстук придавал ему вид человека, знающего себе цену. Он медленно осмотрел толпу, его взгляд скользнул по каждому лицу, прежде чем он достал листовку и поднял её над головой, показывая публике.

– Здравствуйте, дамы и господа! Компания «Эссенция Сакуры», расположенная на живописных островах Японии, приглашает вас стать частью новой цивилизации, предлагает вам стать частью нового мира! Мы гарантируем вам хорошие условия жизни, города, которые мы восстанавливаем, обладают всем необходимым: местом для проживания, чистой водой, пищей, качественной одеждой, а также возможностью разнообразно проводить свой досуг. Компания не заставляет вас работать на неё, а предлагает стать частью её. Вместе мы вернём прежнюю жизнь – Голос оратора был спокойным, но уверенным, проникающим в самые глубины сознания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.